

Валерий Арзуманов

За исключением каденций разной продолжительности, которыми исполнители прошлого украшали скрипичные концерты, импровизируя прямо на сцене, я никогда не сочиняла музыки. Гармоническая тупость свойственна, увы, многим скрипачам из-за нашего линейного слуха, одноголосной «зашоренности». А без гармонии нет композитора. Даже сочиняя каденции, загуляв по пассажам и арпеджиям, мне иногда трудно «найти дорогу домой», в главную тональность и вернуться в объятия оркестра. Но, каковы бы ни были мои каденции к концертам, играть на сцене *своё* всегда приятно.

А что делать, если полюбишь чье-то сочинение так, что его хочется не только играть, но и дирижировать, преподавать, да и этого недостаточно? Будь это стихи, влюбившись в оригинал, можно его перевести на другой язык, как бы поделиться им. Аранжировка – тот же перевод. Есть скрипичные версии ноктюрнов Скрябина и Шопена, есть переложения сольных скрипичных пьес Баха Рахманиновым, это всё результат влюбленности, своеобразная «жажда обладания», для инструменталистов – обладания в прямом, физическом смысле. Я прошла через эту влюбленность в сочинение, расстаться с которым после исполнения мне никак не удавалось – продолжала носить его в голове и то и дело заглядывать в партитуру. Это был квартет Валерия Арзуманова.

В конце 80ых в Москве всё чаще появлялись музыканты, в свое время безнадежно исчезнувшие с концертной орбиты. Посещения эти, наконец-то разрешенные властями, из ностальгических скоро превратились в деловые – в концерты, творческие встречи, даже записи на радио. Глазам и ушам не верилось, когда Гидон Кремер, уехавший чуть ли не 10 лет назад, приехал в Москву и дал концерт в консерватории. Концерт задержали на полтора часа, мы думали, что его отменят и все равно толпились в вестибюле зала. Настроение тогда было веселое, в студенческой толпе звучали шутки типа :«...*две тысячи восторженных поклонников ренегата, изменника родины, ивана-родства-не-помнящего, категорически отказались покинуть помещение Большого Зала Московской...*» и тому подобный вздор. Выступление Кремера стало символом либеральных перемен в музыкальной жизни. Всё задышало.

В новом квартете мы играли много новой музыки, но теперь она проходила строгий отбор. Я неожиданно приобрела некоторую популярность, что обычно обнаруживалось в буфете Всесоюзного Дома Композиторов. Творец, заметив меня, подходил к столу с улыбкой и щедрыми комплиментами нашему квартету, но, если я видела, что, пожимая мне руку, он в левой руке держит наготове партитуру и уже норовит мне её вручить, я на всякий случай своей левой – хваталась за бутерброд или чашку. Эти маленькие хитрости распространялись на авторов, которых я не знала и не хотела обидеть отказом. Но о появлении хорошей музыки неизбежно шла молва, её важно было не упустить.

Имя Валерия Арзуманова, родившегося за Полярным Кругом, учившегося в Ленинграде (а затем и во Франции, у Оливье Мессиаана), приехавшего из Нормандии, где он до сих пор живет в городе с прелестным названием Ё (Eu), мне было неизвестно. Партитура его квартета пришла от композитора Юрия Буцко, музыку которого я играла в то время в камерном оркестре с большим энтузиазмом. Посидев над партитурой Арзуманова час, я побежала за партиями, боясь, как бы сочинение не перехватили, и даже не спросив у Буцко, будет ли, собственно говоря, концерт, или запись – все это было неважно, я уже любила квартет «глазами», остальное было за малым – сесть и выучить!

Квартет был ранний, наверное, испытавший всякие «влияния», но я оставляю это музыковедам. В нем было столько красоты, что руки радовались от прикосновения к скрипке каждой его ноты. В финале, в самом конце, музыка растворялась флажолетами, уплывая под небеса, оставляя на земле то ли печаль, то ли надежду и в этой зыбкой неопределенности тоже была красота.

Мы гадали, как выглядит автор, вычисляя его по схеме «каждый пишет себя». По музыке и франко-армянским ассоциациям нам представлялся человек хрупкий, трогательный и очень «заводной». Кто-то вроде Шарля Азнавура. А в комнату вошел Пьер Безухов с умным, добрым лицом, спокойный, крупный. Французом он, конечно, не был, но европейцем – безусловно. На одной из репетиций европейская выдержка в какой-то момент ему изменила, и вдруг открылось, как много значит для него приезд на родину, признание здесь его музыки. Мы как раз доиграли финал, улетела последняя нота, и у меня вырвалось, без всякого намерения сделать комплимент, абсолютно искренне: «какая гениальная музыка!» Автор, не говоря ни слова, внезапно вскочил и исчез на кухне. Справившись с эмоциями, вернулся, мы играли, он некоторое время молчал, а я проклинала свой длинный язык. И все-таки правда то, что каждый пишет себя, свое сердце – Валерий Арзуманов оказался человеком сверхчувствительным.

Мы исполнили квартет в нескольких концертах, потом была запись на радио, а затем с разрешения автора я взялась сделать переложение для камерного оркестра, то есть, превратить квартет в симфонию. На шестисотковой даче по Савеловской дороге, близ деревни Свистуха, пять дней в неделю я пасла трехлетнего сына и писала свою первую партитуру. И была, без всяких преувеличений, абсолютно счастлива. Надо было добавить контрабас, расширить звучание, сохранив его прозрачность. Были недоразумения: контрабас из-за низкого регистра записывается на октаву выше реального звучания, а я, не ленись, подставляла под нотный стан добавочные линейки без числа, при этом не переставая проклинать контрабасовую «низость». К счастью, композитор этого позора не увидел, так как я догадалась показать черновик знакомому дирижеру. После истории с контрабасом я положила рядом восьмой квартет Шостаковича и великолепное оркестровое переложение Рудольфа Баршя, известное публике как Камерная Симфония. Это мне очень помогло.

Партитуру Валерий Арзуманов похвалил, мне удалось исполнить переложение в Америке дважды, второе исполнение было вполне удачным, потом его сыграли и во Франции. Надпись автора на моей партитуре такая лестная, что я с удовольствием перечитываю её всякий раз, когда возникают трудности с самооценкой, будь то работа над новой аранжировкой, или скрипичной каденцией.

Запись квартета Арзуманова в фонд радио была моей последней работой в СССР. Я прослушивала её в аппаратной за два дня до отъезда в США и за три недели до событий августа 1991 года.

Ольга Янович